

# STUDIA HISTORICA



*М. Н. Губогло*

# АНТРОПОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ  
МОСКВА 2013

УДК 316.7  
ББК 28.71  
Г 93

Книга подготовлена при поддержке:  
*Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)*  
исследовательские проекты: «Гагаузы: история в культуре и культура в истории», №09-01-00012а;  
«Этногенез: воображаемые пращуры и реальные потомки», №11-01-00534а  
Книга издается при поддержке издательского проекта РГНФ  
«Антропология повседневности», №13-01-16017д.

Рецензенты:

чл.-корр. РАН *Ю. В. Арутюнян* (ИЭА РАН, Москва),  
д. ист. н. *В. П. Степанов* (ИКН, Кишинев),  
д. ист. н., проф. *А. А. Никишенков* (МГУ, Москва)

**Губогло М. Н.**

Г 93

Антропология повседневности. М.: Языки славянской культуры, 2013. — 752 с., ил. — *(Вклейка в конце книги.)*

ISBN 978-5-9551-0695-3

Синтез воспоминаний («Путешествие в детство»), мемуарной литературы и исследовательских проектов, на основе которых написана «Антропология современности», дает новое видение ритмов, смыслов и стратегий повседневной жизни. Будучи вынужденным свидетелем и непосредственным участником сурового послевоенного времени, периодов «оттепели» и «застоя», а также перестройки и маргинального постсоветского времени, автор отражает соответствующие исторические образы времени, повседневную жизнь, ее креативные, творческие и бытовые аспекты.

Повседневная жизнь открыта и неисчерпаема. В ней сохраняется культурное наследие народа и ведется диалог с вызовами современности. В этом убеждает исследование гагаузской художественной литературы, которая подпитывалась как реалиями традиционной культуры народа, так и великими достижениями русской и культур народов Советского Союза.

В книге показано современное состояние гагаузской школы изобразительного искусства. Время и векторы его становления и вызревания, как и литературы, основаны на изображении и осмыслении повседневности. Они совпали по фазе с той эпохой этнополитической жизни гагаузского народа, в которой была создана государственность. Отраженная в живописи проблематика связана скорее с изображением повседневной, чем политической жизни.

ISBN 978-5-9551-0695-3

**ББК 28.71**

© Губогло М. Н., 2013

© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Ищут люди опору в том,  
Что было давно.  
Там, где проблемы мельче  
(если бы так всегда).  
Там, где машин — поменьше,  
Где подлинней — года.  
Там, где они не мелькают,  
Там, где светло и тепло...  
Прошлое успокаивает  
Тем, что оно прошло.

*Роберт Рождественский*

Историк не тот, кто знает.  
Историк тот, кто ищет.

*Люсен Февр.*

Бои за историю. М., 1991. С. 507

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Академик В. А. Тишков . . . . .	11
Введение . . . . .	20
Список использованной и ассоциированной литературы (к Предисловию и Введению) . . . . .	24
<b>Часть I. Антропология поствоенной повседневности . . . . .</b>	<b>27</b>
Раздел I. Повседневная жизнь и идентичность в системе этнологического знания . . . . .	29
1. Социальные функции повседневности в поствоенном периоде . . . . .	29
2. Повседневная жизнь в зеркале автобиографии . . . . .	35
3. От александровской «весны» к хрущевской «оттепели» . . . . .	45
Раздел II. Элементы повседневности в сфере труда . . . . .	51
1. «Айда по горох» — приглашение к адаптации . . . . .	51
2. Хозяйственно-экономические векторы повседневной жизни . . . . .	57
Раздел III. Соционормативная культура как «Грамматика жизни» . . . . .	64
1. Излом повседневности . . . . .	64
2. Соционормативная культура в повседневной жизни спецпереселенцев . . . . .	80
3. Векторы адаптации к повседневной жизни в иноэтнической среде . . . . .	86
Раздел IV. О роли профессиональной культуры в формировании гражданской идентичности . . . . .	93
1. Книгомания: погоня за призраками или вызовы мобилизации? . . . . .	93
2. Киномания: магия мифов и мифы магии . . . . .	101
3. Пленительная жажда красоты: артмания и альбомомания . . . . .	109
4. Послевоенные альбомы сельской молодежи . . . . .	122
Раздел V. Домашний очаг и дороги: партнеры или антиподы поствоенной идентификации . . . . .	134
1. Романтика дорог и проза домашнего очага . . . . .	134
2. Траектории изменений в повседневной жизни в иноэтнической среде . . . . .	141
Список использованной и ассоциированной литературы (к части I) . . . . .	145
<b>Часть II. Антропология повседневности времен оттепели и застоя . . . . .</b>	<b>155</b>
Раздел VI. Личность. Социализация. Повседневность . . . . .	157
1. Идентология — важное междисциплинарное направление. Памяти А. С. Рудя . . . . .	157

2. Круговорот этничности в народе. Памяти С. В. Кулешова . . . . .	183
3. Маяки и кумиры в этнологическом пространстве. Памяти Ю. Б. Симченко и Ю. И. Мкртумяна . . . . .	203
Раздел VII. Доверительность, солидарность, повседневность. . . . .	222
1. Доверительность к прошлому — залог солидарности в будущем. Памяти Р. Г. Кузеева . . . . .	222
2. Этноязыковые аспекты повседневной жизни. Памяти академика Ю. В. Бромлея . . . . .	252
3. Доверительность и солидарность в системе образа жизни. Памяти В. С. Зеленчука . . . . .	288
4. Повседневность на дорогах Вьетнама. Памяти В. Н. Шамшурова. . . . .	316
Список использованной и ассоциированной литературы (к части II). . . . .	350
<b>Часть III. Поэтика повседневной жизни в поэзии С. С. Курогло . . . . .</b>	<b>363</b>
Раздел VIII. Поэтика и философия повседневности в творчестве Д. Кара Чобана . . . . .	365
Одержимость. Вместо введения . . . . .	365
1. Сын гагаузского народа . . . . .	376
2. Ароматы «этнического материка» . . . . .	378
3. Незабываемые встречи земляков . . . . .	384
4. Поэтическая романтика повседневности. . . . .	391
5. Музей как опредмеченная память эпохи собирательства . . . . .	396
6. Книгомания и киномания . . . . .	407
7. Смысл жизни в творчестве . . . . .	414
8. Любовь, свадьба и семья: образы и факты . . . . .	417
9. Если Петр говорит о Павле. . . . .	420
10. Порою ложною тропой . . . . .	427
11. Рыцарь печальной романтики . . . . .	433
12. Нерастроченный запас социального гнева. . . . .	436
13. Дорога «в даль светлую». . . . .	441
Заключение . . . . .	452
Раздел IX. Гражданин эпохи возрождения Гагаузии. . . . .	455
Предисловие. Система ценностей . . . . .	455
1. Сюжеты повседневной жизни. . . . .	463
2. Любовь — источник вдохновения . . . . .	471
3. Буджак полынный . . . . .	475
4. Апология труда. . . . .	479
5. Культ предков . . . . .	486
6. Судьба и смыслы жизни . . . . .	488
7. Идентичность и этническая мобилизация. . . . .	493
8. Время и пространство . . . . .	510

---

9. Друзья, коллеги, контакты. . . . .	526
10. Литераторы и литературы . . . . .	534
11. Курогло больше чем Курогло. Вместо заключения. . . . .	567
Список использованной и ассоциированной литературы (к части III) . . . .	579
<b>Часть IV. Образы повседневности в живописи. Опыт Гагаузии . . . . .</b>	<b>585</b>
Раздел X. Повседневность. Реальность. Изобразительность . . . . .	587
Предисловие. Искусство понимать и толковать искусство . . . . .	587
1. В гагаузском художественном пространстве. . . . .	597
2. Бытовая экология человека в зеркале живописи. . . . .	617
3. Запечатленное время повседневности . . . . .	623
4. Пейзаж: в погоне за светом, сюжетом и цветом . . . . .	637
5. Буджак: край степной, родной . . . . .	646
Раздел XI. Идентичность. Повседневность. Историчность . . . . .	651
1. Постигание идентичности . . . . .	651
2. Натюрморт: плоды и краски родного края . . . . .	658
3. История: возвращаемое и приближаемое время. . . . .	661
4. Портрет: лики и блики. . . . .	669
5. Композиции. Постигание цвета и света . . . . .	682
Заключение . . . . .	695
Список использованной и ассоциированной литературы (к части IV и заключению). . . . .	703
Приложение. Список трудов М. Н. Губогло. . . . .	708

*Академик В. А. Тишков*

*К 75-летию М. Н. Губогло*

## **ПРЕДИСЛОВИЕ**

На перекрестках ряда наук — истории, психологии, этнологии и филологии формируется новое междисциплинарное направление, в известной мере оппонирующее классическим наукам и номинирующее себя словами своих адептов то «антропологизацией авторства», то «лирической историографией», то «исповедальным стилем», то «сам себе этнолог». Суть этого новомодного течения состоит в смещении исследовательского фокуса с описания исторических и социологических фактов, событий, организаций и структур на анализ поведения конкретного человека и восприятия им самого себя в связи с исполнением функциональной роли.

М. Н. Губогло предлагает обратный ход: от описания конкретных поведений конкретных лиц и известных личностей к поискам смыслов их повседневной жизни во времена смены исторических этапов советской и российской истории. Он — свидетель поствоенного времени, когда страна в муках позднего сталинизма с трудом поднималась с колен, питаясь скорее духом победы и патриотизма, чем нарастающими мизерными шагами по обеспечению материальных благ. Его студенческие и аспирантские годы пришлись на хрущевскую оттепель, на истоки и на «расцвет» брежневского застоя. В пору академического периода жизни ему было дано вместе с Ю. В. Арутюняном, Л. М. Дробижевой стать одним из основоположников конкретно-социологических исследований повседневной жизни, культуры и быта народов, исследований, ставших основой этносоциологии как нового научного направления.

Очерки, помещенные в его новой книге «Антропология повседневности», свидетельствуют не об отречении от опыта и наработанных методов этносоциологии, а о продолжении ее новаторских традиций.

Здесь представляется уместным обратить внимание на тот факт, что важным фактором возникновения и развития этносоциологии как науки, связавшей этническое с социальным и социальное с этническим, выступило стремление науки



и власти к достижению взаимного доверия. Это стремление было основано на том, что в 1960—1970-е гг. стареющая и морально хиреющая политическая и административная власть нуждалась в доброкачественной экспертизе состояния дел в сфере межэтнических отношений. Власть нуждалась в рекомендации по оптимизации этой сферы и в регулировании этногосударственных отношений на научной основе. Она чувствовала или знала, но опасалась обнародовать, что доктрина советской национальной политики дает сбой. Особенно в части таких ее аспектов, как в продолжении политики аффирмативных действий, в курсе на тотальное сближение наций, в политике выравнивания уровней экономического и социального развития народов, уровней жизни городского и сельского населения, умственного и физического труда. К концу 1990-х гг. о нелепостях, имеющих место в сфере межнациональных отношений, заговорила не только научная, но и художественная литература. О многом, в частности, говорит пассаж, приведенный в романе «Ложится мгла на старые ступени», публикация первых глав которой началась во второй половине 1990-х гг., в т. ч. в журнале «Знамя». Граждане Советского Союза, воспитываемые в духе интернационализма, понимали, что политика помощи «отсталым в прошлом народам», именуемая на Западе политикой аффирмативных акций, оказалась на практике несостоятельной. Она приводила к ускоренному росту социальных претензий и формировала негативные установки, в частности, к представителям титульных национальностей, которым предоставлялись какие-либо льготы в ущерб другим народам.

В классе был интернационализм, — вспоминает свои школьные 1940-е годы А. П. Чудаков, автор вышеназванного романа, — правда, представителей всех наций, кроме немцев, было по одному: кореец, каракалпак, эстонец, поляк и даже китаец... — и далее следует убийственная фраза, обличающая суть такой национальной политики, когда приоритеты представителям одной нации создавались за счет каких-либо других. — Казашка также была одна — Джабагина, ей потом по рекомендации райкома дали серебряную медаль [Чудаков 2013: 276].

Академик Ю. А. Поляков, объездивший среднеазиатские республики вдоль и поперек, имел основание сделать вывод о том, что «выращенная при самом активном участии преподавателей и ученых России республиканская интеллигенция стала главной носительницей националистических, сепаратистских тенденций» [Поляков 2011: 363].

Понятно, что наука и образование в таких условиях нуждались в освобождении от идеологических пут, которые тяжелыми гириями мешали ее двигаться дальше, в стремлении не отставать от уровня мировых тенденций. В изначальных исследовательских проектах, разработанных Ю. В. Арутюняном, О. И. Шкаратаном, Л. М. Дробижевой, В. В. Пименовым и другими сотрудниками Института этнографии АН СССР, немедленно обнаружилась проблема доверия, имеющая многие смыслы, как в накоплении информации, адекватно отображающей реальные

межэтнические и межязыковые ситуации, так и значения, придаваемые этническим явлениям неэтническими факторами.

Вместе с тем, главы и очерки книги М. Н. Губогло ориентированы не столько на воспроизведение «абсолютной объективности», сколько на достижение эффекта реальности, или, как сказал И. В. Нарский, солидаризируясь с Н. Н. Козловой, на достижение эффекта реальности, наглядности и даже осязательности «ощущения подлинности воскрешенного прошлого» [Козлова 2005: 18; Нарский].

Вместо наполнения истории, прошлой и современной повседневной жизни тем или иным политическим, научным и художественным смыслом в соответствии с характерным для этносоциологии стремлением к отражению «объективной реальности», на передний план выступает раскрытие значимости интеллектуальных смыслов или событийной интриги. Через откровенное и искреннее самопознание авторской позиции и авторского образа жизни («исповедальная автоэтнография») прокладывается тропа к пониманию содержания и сути того или иного этапа истории в жизни окружающей среды и страны [Губогло 2008а: 76—87; 2012: 174—191].

Гарантией от прегрешений субъективного восприятия себя и стратегии поведения своих «антропологических» героев, в подходе, избранном М. Н. Губогло, служит его профессиональный долг и опыт этносоциолога-эмпирика, привыкшего ходить «по земле» и иметь дело с конкретными документами, данными ведомственной статистики, информацией об исторических событиях и нарративными текстами. Опора на личные воспоминания представляет собой не бунт этносоциолога, а пополнение арсенала новой науки дополнительными возможностями, не опровержение, а подтверждение этносоциологии, как части антропологии и ее потенциальных возможностей в деле осмысления истории и современной повседневной жизни.

Для того чтобы играть на скрипке, надо, во-первых, обладать музыкальным слухом, во-вторых, владеть определенными навыками, в-третьих, иметь знания и способности, и, наконец, в-четвертых, надо быть в настроении играть. Для того чтобы вспоминать свои детские и юношеские, студенческие и аспирантские времена и их культурные берега, извлекать из небытия события, личности и факты, раскрывать смыслы и значения увиденного и прочувствованного, надо иметь цепкую память, наработанные навыки этнографического описания, приемы этносоциологического толкования смыслов и способности доходчивого изложения. И, наконец, надо иметь настроение и социальную ответственность в создании правдивой картины прошлой повседневной жизни.

Настроение — дело наживное. М. Н. Губогло умеет настраивать себя на позитив. Иначе зачем воспоминания, как диалог с самим собой?

Обращение к автобиографии как к источнику и жанру этнологического исследования в известной мере корреспондирует с биографиями ученых, написанными их учениками, поклонниками, коллегами по цеху, по поводу тех или иных юбилейных дат. Могу напомнить получившую общественный резонанс серию «Портреты историков. Время и судьбы» [Портреты историков 2000—2010]. И хотя представ-

ленные в томах этой серии очерки не являются каноническими биографическими или аналитическими эссе, в них освещаются исследовательская практика и итоги по известным проблемам истории и культуры, в том числе по истории повседневной жизни народов России и других стран мира. В связи с актуализированной в последнее время тематикой, посвященной повседневности, особый интерес вызывает, например, творческое наследие замечательного русского историка второй половины XIX в. Ивана Егоровича Забелина [Портреты историков 2000—2010, 1: 65—77].

Попытки некоторых современных исследователей представить предметную область повседневности, как исключительно новомодное направление, пришедшее на рубеже XX—XXI вв. в Россию извне, представляются неубедительными в свете трудов И. Е. Забелина, неоднократно изданных во второй половине XIX в. [Забелин 1862—1869; 1872; 1895; 1915; 1918] и, к сожалению, оказавшихся неупомянутыми в фундаментальном историографическом обзоре «Истории русской этнографии» классика советской этнографии С. А. Токарева (см. «Указатель имен» в [Токарев 1966: 443]).

Отечественная этнология дореволюционного периода, в том числе в деле изучения повседневной жизни народов, развивалась в рамках общемирового процесса наравне или в опережающем режиме по сравнению с ведущими этнологическими и антропологическими школами Европы и США. Некоторые важные вопросы повседневности нашли освещение в трудах этнологов, что нашло отражение в ряде очерков серии «Портреты историков», в том числе о творчестве Ю. В. Бромлея, М. М. Ковалевского, С. А. Токарева, С. П. Толстого [Портреты историков 2000—2010, 4: 53—70, 257—281, 446—261, 462—484].

Хорошо, когда создание текста и текстов — это не только изнурительный будничнейший труд, но и праздник души, адекватное вдохновение для творчества. В противном случае вряд ли можно было бы ожидать от М. Н. Губогло написание около двух десятков книг. Вряд ли можно было бы ему осилить крупномасштабный проект «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве», состоящий из изданных 130 томов с аннотациями и комментариями документов эпохи развала Советского Союза на рубеже веков. Вряд ли в новое постсоветское время можно было бы вместе с коллегами создать 12-томную этнополитическую историю Удмуртии и 10-томную серию сборников «Курсом развивающейся Молдовы», не имея для этого достаточных материальных средств и полагаясь, главным образом, на энтузиазм и на обретенную свободу творчества.

Важнейшей заповедью профессионального антрополога является попытка нащупать с изучаемыми людьми общую почву.

Мы... говорим о некоторых людях — повторял за Витгенштейном К. Гирц, — что мы их видим насквозь. На этот счет важно, однако, заметить, что один человек может быть полнейшей загадкой для другого. Мы удостоверяемся в этом, когда попадаем в чужую страну с совершенно чуждыми нам традициями; более того, нас не спасает даже знание языка этой страны. Мы не понимаем людей (и вовсе

не потому, что не слышим, что они друг другу говорят). Мы не можем нащупать с ними общую почву [Гирц: 20].

В поисках общей почвы, что составляет суть этнологического исследования, антропологи не стремятся, как считает К. Гирц, «ни превращаться в natives, местных жителей, ни подражать им» [Гирц: 21].

М. Н. Губогло в его новой книге не надо ни «превращаться» в тех современников или в тех личностей, о ком он пишет, ни «подражать» им. Восстанавливая дух, атмосферу и настроение прошлого, он сам является одним из них, и у него с большинством из его героев имеется общая почва. Инкорпорирование героев в контекст времени и ткань повседневности позволяет приподнимать завесу эпохи и пелену прошлого, подобно тому, как реставраторы за каждым слоем «черной доски» раскрывают на старой иконе лики и блики прошлого.

Предпринятое автором «путешествие в детство» в первой части его книги не навевает его ностальгическим желанием реанимировать его изначальную этническую или раннюю социальную идентичность. Его воспоминания о поствоенном периоде продиктованы профессиональным интересом, что в конечном счете позволяет добавить новые краски к тому периоду советской истории, противоречивость которого до сих пор остается за пределами предметной области исторического знания [Тишков 2013: 291].

«Путешествие в прошлое» продолжается в двух других частях книги. Вспоминая своих друзей и коллег и рефлексируя по поводу их творческого наследия, М. Н. Губогло раскрывает мощную энергетическую силу мотивированности молодежи 1970—1980-х гг. социализацией и адаптацией к внешней среде и вызовам времени. При этом красной нитью через ряд очерков проходит освещение и характеристика великой роли русской культуры в деле социализации молодых поколений и в деле становления литератур и культур младописьменных и бесписьменных в прошлом народов.

Чем объяснить появление необычной книги? В основе новейших течений с обостренным вниманием к авторским мотивам и интенциям лежит возникшая в постсоветский период неудовлетворенность концептуальным арсеналом и методическим инструментарием классической исторической науки. Она по инерции в ряде случаев обращается к безымянным массам, социальным слоям, структурам, к немym статистам «великой истории», общественно-экономическим формациям, в ущерб исследованиям «маленьких людей» и безымянных героев. Между тем впечатляют новые инициативы и исследовательские проекты, посвященные этнической истории народов, происхождению и развитию условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения человека, его ментальности, стратегий поведения и их толкований.

Вместе с тем, предлагая и иницируя новые повороты в исторической науке второй половины XX в., радикально настроенные неофиты адресовали неоправданные упреки историкам и, понятное дело, рикошетом к этнологам, обвиняя их

в тривиальном пересказе данных, извлеченных из источников, без стремления распутывать узлы истории, разгадывать мотивы и локомотивы, двигающие целеполаганием и целедостижением людей. Нет сомнения, что интерес к судьбам отдельных людей значительно расширяет горизонты гуманитарного знания, в том числе путем исторических и этнополитических исследований [Горизонты... 2008].

В очерках М. Н. Губогло видное место наряду с фактами и событиями депортированного времени, совпавшего с его школьными годами, занимают социально-художественные образы, воссозданные памятью и воображением. Одним из таких образов выступает мост через реку Миасс. На берегах этой тихой речки, круто, во весь горизонт, разливающейся в пору весеннего половодья, прошло его детство и первые годы социализации и вступления во взрослую жизнь. Поэтому он умеет запрягать лошадь, сажать, полоть и копать картошку, лепить пельмени, жарить семечки конопли, кормить поросят, пасти овец и поить корову, косить траву и колоть дрова [Губогло 2008б: 395—443].

К символике, семантике и многозначным смыслам Каргапольского моста он прибегает неоднократно в ряде очерков, в том числе в длившейся 40 лет дружбе и переписке с любимой учительницей Ульяной Илларионовной Постоваловой. В реальности мост, соединяющий районный центр Каргаполье на левом берегу Миасса с вереницей сел на правом берегу, представлял собой деревянную конструкцию с примыкающими ледоколами (быками), как летящий в небо шедевр архитектурной мысли. По местным преданиям, этот мост был построен белогвардейцами в 1918 г. и был разрушен накануне развала Советского Союза. В воспоминаниях М. Н. Губогло Каргапольский мост — это космическая точка на евразийском пространстве, соединяющая прошлое и настоящее, домашний очаг и дороги, поэтику духовности и прозу картофельного поля, радость встреч и горечь расставания. Мост — это магнит, сильно притягивающий к себе молодежь и стариков, притягивающий сильнее, чем сельский клуб, чем стадион или спортивный зал. Мост, определяющий дистанцию между своим и чужим, между малой родиной и внешним миром, между региональной и гражданской идентичностью, помогающий порой выяснить подростковые отношения между обитателями правого и левого берега Миасса. Мост, подобно Великому Шелковому пути, соединяющий мир Запада и Востока. Мост, вобравший в себя этапы социализации и обретения смыслов жизни, в то же время наделен символом и безысходности, и надежды, и выдает в М. Н. Губогло скорее оптимального оптимиста, чем опального пессимиста и адепта отчаяния [Губогло 2008а].

Саморефлексия профессионалов, обратившихся к своим воспоминаниям в проектах автоэтнографии, приобретает не только особую привлекательность, но и историковедческую ценность.

Обращаясь к изучению своей собственной профессиональной среды, — как поясняла свою мысль российская исследовательница Т. Б. Щепанская, — мы получаем возможность протестировать этнографические методы, обычно применяемые для изучения символически отдаленных традиций, на материале, максимально знакомом и близком для большинства коллег. Это позволяет этнографу, как

исследователю и одновременно носителю описываемой традиции, наглядно проследить трансформации материала, которые происходят в результате его полевой фиксации и последующей текстуализации [Щепаньская 2003а: т. IV, № 2: 166].

В разделах второй части, посвященных выдающимся личностям, в том числе обучавшимся и работавшим в Институте этнографии АН СССР, друзьям и коллегам по МГУ, раскрывается их вклад в осмысление повседневности, а также отдельных этносоциальных процессов и идей или научных направлений. Выбор героев для своих очерков и россыпи жадных воспоминаний далеко не случаен. С каждым из них связана та или иная этническая концепция, теория адаптации или парадигма формирования идентичности или структуры повседневности и образа жизни.

Проникновению в духовный мир основоположника гагаузской художественной литературы Д. И. Кара Чобана и С. С. Курогло способствуют переводы их стихотворений и осмысление внутренних мотивов их творчества. Впервые в молдавском литературоведении раскрываются истоки творчества гагаузских поэтов, вдохновленных знаменитыми произведениями российской «деревенской», «фронтальной» и «интеллигентской» литературы, практикой собирательства икон и старины, получившей распространение с легкой руки Владимира Солоухина.

Этнологический анализ произведений указанных поэтов, друзей М. Н. Губогло, позволяет выявить общие тенденции приобщения более чем 200-тысячного двуязычного гагаузского населения, исповедующего православие, к культурному наследию русского народа и других народов к русскому миру. Историческое значение этого вывода заключается в том, что в становлении и жизнеутверждении русского мира наряду с различными вариантами диаспор немаловажную роль сыграло добровольное вхождение некоторых этнических групп, изначально не идентифицирующих себя с русской или российской идентичностью, но выработавших в своей ментальности ориентации на русскую историю и культуру. Исследования состояния языковой ситуации в Республике Молдова, проведенных в ходе реализации ряда научно-исследовательских программ, нашли отражение в ряде коллективных монографий, подготовленных по инициативе и под руководством М. Н. Губогло [Молдаване 2010; Гагаузы 1993; Гагаузы в мире... 2012].

На конкретном эмпирическом материале и на основе личных наблюдений М. Н. Губогло в них показано, что оснований думать о дерусификации гагаузского населения и об усыхании русскоязычия и культурологического тяготения гагаузов к русскому миру и русской культуре нет. Скорее имеет место, о чем с сожалением пишет М. Н. Губогло, ослабление поддержки языковой ситуации в Молдове со стороны России и русского мира в деле сохранения русскоязычия.

Труды двух ближайших друзей — Юрия Борисовича Симченко и Юрия Исраэловича Мкртумяна, наделенных большим талантом этнографов-полевиков, вошли в золотой фонд отечественной и армянской этнологии. Научные и художественные тексты Ю. Б. Симченко стали библиографической редкостью подобно, в свое вре-

мя, трудам М. А. Булгакова, О. Э. Мандельштама, А. И. Солженицина и других авторов, не сразу получивших выход к широкому читателю.

Советское общество, вопреки имеющему широкое хождение на Западе мнению о железном занавесе, было открытым обществом в том смысле, что социальная и социально-профессиональная карьеры не покупались за деньги, а строились на личной инициативе граждан, в том числе благодаря доступности высшего образования. Рассказывая еще о двух своих друзьях, ставших известными профессорами в элитной среде московских историков — об Александре Степановиче Руде и Сергее Кулешове, М. Н. Губогло вспоминает о восприятии бывшими провинциалами стратегий адаптации в повседневную жизнь Москвы и о самоидентификации в качестве москвичей и граждан Советского Союза.

На протяжении двух постсоветских десятилетий исследования повседневности расширяли предметную область этнологии, имеющей вкус к этой тематике в России еще с середины XIX в. Повседневная жизнь открыта и неисчерпаема. Сохраняя культурное наследие народа и, вступая в диалог с вызовами времени, она увлекает специалистов многих направлений гуманитарного знания. Значительный вклад в ее изучение внесли своими организационными усилиями и исследовательской деятельностью академик РАН, Ю. В. Бромлей, член-корреспондент РАН Р. Г. Кузев, а также член-корреспондент АН Республики Молдова В. С. Зеленчук. Возвращаемое прошлое и конституированное будущее, — как показывает М. Н. Губогло в очерках о каждом из них, — едва ли не главные тренды, по которым двигалась исследовательская мысль крупномасштабных ученых. Оба направления отражены в их трудах, в том числе в этногенетических сочинениях и в разработке методологических основ этнографии.

Один из ближайших друзей М. Н. Губогло, рано ушедший из жизни В. Н. Шамшуров, талантливый музыкант, один из тех, кто стоял у истоков этносоциологии, участник многолетней советско-вьетнамской этносоциологической экспедиции, заместитель министра по национальной политике — стал героем одного из очерков, включенных в книгу.

В познании повседневности важно не только исследование креативной деятельности человека, но и личности ученого, поэта, художника. Каждый из героев очерков был одержим творчеством и любовью к своему делу, народу и своей земле. Все они любили часто ездить, гореть желанием желаний, уметь много хотеть и добиваться, дружить и помогать. Они могли, не теряя сегодняшней, ценить завтрашний день и прошлые времена, привыкая одновременно к ускоряющимся темпам жизни и сохраняя преданность и любовь к своему делу.

В заключительной части книги в центре внимания М. Н. Губогло — повседневная жизнь, изображаемая в современной живописи Гагаузии.

За сравнительно короткий по историческим меркам срок новоявленная живопись уверенно шагнула на сцену высокого изобразительного искусства, опираясь на ценности традиционной культуры гагаузского народа и на мощные художественные корни русского, европейских и других народов евразийского пространства.